

Катерина Файн

НАНОПЛЕНКА ВМЕСТО ДРАНКИ

Бывают науки точные и неточные. Первые – объективны, поскольку изучаемый предмет (его параметры) можно рассчитать, измерить, взвесить. Вторые – субъективны, предвзяты и даже иллюзорны, поскольку зависят от личности, которая предмет изучает. Для первых обычный камень – это, прежде всего, физические свойства и особенность химического состава. Для вторых – это цвет и возможность сочетать его с другими камнями.

Подобно наукам, искусства тоже бывают точными и неточными. И отличаются они друг от друга примерно, как большой спорт от фитнеса. Точным надо учиться много лет, иногда с детства, а если их долго не практиковать, некоторые навыки могут уйти. Неточным можно вообще не учиться, и при этом все равно выдавать какой-то продукт. Возьмем, к примеру, балет. Это искусство точное: либо ты крутишь 32 фуэте, либо нет. И никакое прикрытие постмодернизмом, никакие слова «я так вижу» здесь не проходят. То же самое в музыке: невозможно сыграть какофонию – как это делали Каравайчук или Курёхин – не зная гармонию. И спеть, как оперный певец не получится, если нет голоса, слуха и ежедневного тренинга. Это та объективная область искусств, где нет родителей и блата. Не умеешь брать нужные ноты в конкретной арии – до свидания.

Другое дело – искусства неточные, пристрастные, вкусовые, к представителям которых относятся художники, актеры, писатели. Можно не владеть сценической речью, не иметь яркой внешности, можно вообще ничего не знать о системе Станиславского и быть актером. Сниматься в сериалах, количество которых давно перевалило за грань восприятия, и занимать свою маленькую нишу где-то на ТНТ. Можно не уметь рисовать натуру, портрет, пейзаж, не иметь понятия о перспективе и композиции, а просто разбрызгивать краску на холсте (как Поллок), и называть это каким-нибудь новым течением – лучше с окончанием «изм»: литизм, например. И вообще – сегодня не важно, что нарисовано, а важно, что об этом сказано. «Мало смысла и много значения» – говорил Набоков. Можно прочитать три с половиной стихотворения Пушкина, и начать писать рифмой, как это сделала Васильева из «Оборонсервиса». Ее самопал отлично приживается на форумах 12+, и нет ничего удивительного, что у фигурантки по делу о хищении из Минобороны появились свои поклонники: ее мысли-чувства совпадают с большинством девочек. Примерно так же размышляют их мамы.

Вообще, о писателях следует поговорить отдельно. Александр Генис считает, что душа писателя помещается между телом и текстом. Когда-то, наверное, так и было. Сейчас душа писателя помещается между двумя смайлами. С появлением в рунете «Прозы.ру» и аналогичных порталов, сегодня, для того, чтобы стать писателем, не нужно ничего, кроме выхода в сеть. Из самой читающей нации мы превратились в самую пишущую. В самую скоропишущую. Это какой-то феномен поголовного писательства. Каждому кажется, что своими виршами он осчастливит все человечество. Сегодня можно не только издать книгу за свой счет, но и купить читателей. Например, та же «Проза.ру» предоставляет авторам платные публикации на первой странице сайта. Кроме того, свое произведение можно прочесть и выставить в mp3 – ап! и ты уже декламатор. А можно написать на заборе. И это уже целое направление – поэтический стрит-арт. Правда, имя автора не всегда известно. А это очень важно! Нетленка должна иметь автограф. Поэтому особое место в сетературе занимают авторские права. Для коммерческого использования графомании необходимо письменное разрешение графомана. И для перепечатки с некоторых сайтов тоже. То-то сейчас набегут композиторы, понапишут песен на рифмованный контент, и будут их коммерчески использовать.

Литература перестала быть профессией избранных. Слово ничего не стоит. Каждый, кто умеет писать смс из двух предложений, считает возможным увидеть свою фамилию в сборнике или журнале. Появилось множество Союзов писателей, куда вас примут с двумя публикациями, типа «Как выйти замуж в 75 лет». Литературный фаст-фуд торчит из любого киоска «Союзпечать», оформленный такими же графоманами от дизайнера. Самиздат на бумаге можно тиражировать, не выходя из дома, имея под рукой всего лишь принтер. Пушкин призывал судить поэта по его собственному закону, но как это сделать, если нет закона и нет критериев? В 19 веке было «много букв», в 20 – много зрелищ, к началу 21 появилось много кнопок, которые лежат в каждом кармане. Они выдают и буквы, и зрелища в один клик.

Драматургия, как часть литературы, тоже переживает не лучшие времена. Сегодня драматургов больше, чем режиссеров, но девяносто процентов из тех, кто пишет истории в диалогах – графоманы в квадрате. И те, кто попадают в оставшиеся десять, не знают, как пробиваться в театры, поскольку завлиты уже завалены креативом по самое не горюй. В этом смысле свое черное дело сотворил ЖЖ «Живой театр», который в начале 2000-х начал массовую рассылку пьес по театрам России и ближнего зарубежья. Никаких мер и весов отбора, разумеется, не было. Точно так же, как нет никаких рамок для пьес, присылаемых на всевозможные конкурсы. Да и самих конкурсов развелось, как обезьян в джунглях. Сегодня каждый выпускник средней школы деревни Кукуево может объявить себя основателем конкурса драматургов/поэтов/прозаиков и стать судьей. Убогие судьи посредственных текстов, являющих собой – в лучшем случае – вялые кружева артхауса.

Когда речь заходит о современной драматургии, режиссеры обычно зевают и задают один и тот же вопрос: а есть ли она вообще? Вернее, для большинства режиссеров ответ очевиден – современной драматургии нет. Примерно о том же сообщают афиши, на которых зритель читает пятьсот сорок пятый перепев Островского, Чехова, Шекспира. Начиная с перестройки, выросло уже целое поколение драматургов, совершенно не нужных театру. А поколение сорокалетних объединилось в субкультуру под названием «новая драма», но и этот эпатажный крик театры почти не слышат. Поэтому некоторые смелые авторы пытаются делать свой театр – я пишу, я ставлю, я играю. У кого-то получается найти единомышленников и превратить секту в храм Мельпомены, у кого-то нет. В любом случае, качество текстов – опять же, дело вкуса.

Некоторые журналисты и критики, ставшие, естественно, блоггерами, пытаются искать литературный взрыв/шок/откровение, не понимая, что мы давно живем в разобщенном обществе, где все развалилось на сегменты, и этот взрыв невозможен по определению. Каждый помнит пару-тройку классиков из школьной программы, все остальное – по желанию. Пятьдесят лет назад, когда Аннушка впервые разлила подсолнечное масло, Булгаков был брендом. Сейчас уже нет. Единственная страна, где народ знает своих писателей даже в лицо – это Северная Корея. Остальные могут отдыхать от супер-мысли. Нового героя в литературе нет, и уже не будет. Языковые игры, типа «олбанского», тоже не смогли объединить всех юзеров, хотя на какой-то момент заполонили рунет и даже перебрались в некоторые бумажные издания. Последние, кстати, мы скоро отпоем и тихо похороним.

Современный мир – это мир виртуальных коммуникаций и мгновенной передачи информации от кого угодно – кому угодно. Если раньше общение с незнакомым человеком на улице было сродни экстремальному виду прогулки, то теперь, благодаря социальным сетям, это вполне нормальное явление. Более того – мы абсолютно не замораживаемся: спросил, получил ответ, пошел дальше. И так происходит круглые сутки. В эпоху доинтернета информацию воспринимали в розницу, теперь оптом.

Сегодняшний художественный всплеск имеет дело со скоростью. Быстрота жизни настолько фантастична, что мы способны удивляться ровно полторы минуты. Вы еще на шпильках? А мы уже сбросили туфли, надели кроссовки и побежали. Сотни людей загружают в сеть результаты своих творческих амбиций в режиме нон-стоп. Но это искусство самообслуживания – сами производим, сами потребляем. И потребляем, опять же, на ходу – в трамвае, в Мегабургере, на эскалаторе метро. Недавно в «Фейсбуке» обсуждали видео с девушкой, которая угодила в бассейн посреди супермаркета, поскольку шла, уткнувшись носом в свой айфон. Кем же она так увлеклась? Марселем Прустом? Достоевским? Просмотр хороших фильмов, чтение серьезных книг так же, как их написание, требует эрудиции, подготовки и какой-то усидчивости, не говоря уже о том, что все это наполняет жизнь иными смыслами. Но люди не хотят напрягаться. Плевали мы на «Ке-ды»* с высоких «Лабутенов».**

Никакое современное искусство – точное или неточное – каким бы актуальным оно не было, не способно оказать влияние на поколение. На отдельные личности – да, но не на массы. Мир, в котором каждый может рисовать на планшете, сочинять «пирожки»,*** снимать кино, иметь свою собственную радиостанцию, превращается в какую-то игрушку. Вернее, в игру: кто наберет больше лайков. Успешны те, у кого много постов, перепостов и комментариев к ним. Кто владеет технологиями продвижения своего творческого и не очень продукта. Но демонстрация всевозможности всего лишь фантом. Призрак маленького счастья. Удовольствие потребления – быстротечно, удовольствие созидания – пускай даже глупого – бесконечно. Наверное, поэтому и художник, и псевдохудожник – это некий уроборос: мифическая змея, закусившая свой собственный хвост – вечное движение на пути к признанию и славе.

* Фильм Сергея Соловьева

** Песня группы «Ленинград»

*** Стихи, состоящие из четырех строк, написанные белым четырехстопным ямбом, без прописных букв и знаков препинания